
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

УДК 140.8

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-4-211-219>

Диалектика иронии и доверия в структуре межсубъектных отношений

Н. В. Волохова¹✉, М. С. Филиппович¹

¹ Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Специфика взаимодействия иронии и доверия неочевидна. В статье авторы предпринимают попытку описать особенности двух понятий, их восприятие в философской антропологии. Само соотношение понятий открывает дискуссионную плоскость, которая связана с вопросами экзистенциально-этической позиции человека, структуры межсубъектных отношений и конституции личности в социальном и культурном контекстах. На первый взгляд, ирония есть форма рефлексивной дистанции, критического осмысления мира, которое противопоставляется доверию, тем не менее при рассмотрении обнаруживается диалектическая связь, обусловленная особенности антропологического измерения.

Цель – анализ понятия «ирония» в философско-антропологическом дискурсе и его место в контексте доверия.

Задачи: проанализировать понятие иронии в связи с доверием; сформулировать связи, предполагающие наличие доверия во взаимоотношении субъекта с Другим.

Методология. Основной методологией исследования стал сравнительно-исторический подход на материалах отечественных и зарубежных исследователей. Также использовались следующие подходы: системный – для исследования иронии в человеческой деятельности, элементы подхода историзма, что позволило выявить характер изменений в соответствии с историческими условиями жизни общества.

Результаты. В рамках настоящей статьи были рассмотрены понятия иронии и доверия в философской антропологии через концепции парресии, тезисы Э. Левинаса, Р. Рорти, М. Хайдеггера и др. Анализ показал, что понятия не исчerpывают себя как противоположные формы поведения, стратегии коммуникации, но представляют собой сложное экзистенциальное поле, на котором разворачивается процесс становления личности: ирония – как рефлексивная дистанция, доверие – как акт открытости, уязвимости или этического выбора для установления подлинного взаимодействия с другими.

Выводы. Понятия можно рассматривать в качестве модусов существования человека, и взаимодействие между субъектами указывает на внутреннюю двойственность, стремление к преодолению себя в общении с другими. Человек предстает динамичным, находящимся в движении между верой и сомнением, открытостью и защитой.

Ключевые слова: ирония; доверие; философская антропология; экзистенциализм; Э. Левинас; Р. Рорти.

© Волохова Н. В., Филиппович М. С., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент / Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2025;15(4):211–219

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Волохова Н. В., Филиппович М. С. Диалектика иронии и доверия в структуре межсубъектных отношений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 4. С. 211–219. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-4-211-219>

Поступила в редакцию 05.06.2025

Принята к публикации 03.07.2025

Опубликована 29.08.2025

The dialectic of irony and trust in the structure of intersubjective relations

Natalia V. Volokhova¹✉, Maria S. Filippovich¹

¹ Kursk State University
33 Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: volna-sha@rambler.ru

Abstract

Relevance. The specific interaction between irony and trust is not immediately apparent. In this article, the authors attempt to describe the characteristics of these two concepts and their interpretation within philosophical anthropology. The relationship between these notions opens up a discursive field related to questions concerning the existential-ethical position of the human being, the structure of intersubjective relations, and the constitution of personality within social and cultural contexts. At first glance, irony appears as a form of reflexive distance and critical reflection on the world, seemingly opposed to trust. However, upon closer examination, a dialectical connection emerges, conditioned by the anthropological dimensions of human existence.

The purpose of this study is to analyze the concept of irony within the discourse of philosophical anthropology and to determine its place within the context of trust.

Objectives: To analyze the concept of irony in relation to trust; to formulate connections that presuppose trust in the relationship between the subject and the Other.

Methodology. The primary research methodology utilizes a comparative historical approach based on materials from Russian and international researchers. The following approaches were also used: a systemic approach to studying irony in human activity, and elements of a historicist approach, which allowed us to identify the nature of changes in accordance with the historical conditions of society.

Results. This article examined the concepts of irony and trust in philosophical anthropology through the concepts of parrhesia and the theses of E. Levinas, R. Rorty, M. Heidegger, and others. The analysis revealed that these concepts are not limited to opposing forms of behavior or communication strategies, but represent a complex existential field within which the process of personality development unfolds: irony as a reflexive distance, trust as an act of openness, vulnerability, or ethical choice for establishing genuine interaction with others.

Conclusions. Concepts can be viewed as modes of human existence, and the interaction between subjects indicates an internal duality, a desire to overcome oneself in communication with others. A person appears dynamic, moving between faith and doubt, openness and defense.

Keywords: irony; trust; philosophical anthropology; existentialism; E. Levinas; R. Rorti.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Volokhova N.V., Filippovich M.S. The dialectic of irony and trust in the structure of intersubjective. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2025;15(4):211–219. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-4-211-219>

Received 05.06.2025

Accepted 03.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Любой рефлексивный акт подразумевает наличие нерефлексивного, на что указывал М. Хайдеггер, используя понятия «пред-обладание», «пред-видение», «пред-схватывание», т. е. задача заключается в схватывании самого себя, на поворот к самому себе, и тем самым приобретается подлинность за счет рефлексии. Иронический дискурс здесь становится неотделим от перманентного возврата, который постоянно ниспровергает содержание.

Этот процесс перманентного возврата является частью человеческого бытия, границы которого не являются чем-то прямым и принципиальным. Границы его своеобразны и могут пересечь сущность самого человека. Здесь затрагивается двойственность иронии, которая приобретает черты самоиронии: «не только человек иронизирует над жизнью, но и жизнь над человеком» [1, с. 84]. Она получает выражение не столько как способ мысли, сколько как фигура речи, о чем писала в своей работе П. П. Гайденко [2, с. 50], и главной чертой иронии становится онтологическая двусмысленность.

Многомерность человеческого бытия представляется ареной, где «ведут свой спор земля и небо», «конечное (смертое) и бесконечное (бессмертое)» [3]. Человека довольно непросто определить в его онтологической форме как раз из-за его многомерности. Онтологическая форма определяет человека как феномен бытия, т. е. в себе себя показывающее, такое сущее, которое «открывает условия бытия всякого другого сущего» [1, с. 93]. Именно связи человека с другими предметами помогают прийти к пониманию феноменологических ориентиров, по мысли Е. С. Ячина, и вместе с тем формируется система, которая позволяет установить различие с окружающей средой.

Однако установить границу между средой внешней и внутренней затруднительно [4], и тем не менее онтологическая форма человеческого бытия позволяет

нам хотя бы примерно различить эти среды [5]. Предпринимаемые человеком попытки различения между ними приводят к трансформации одной из сторон или обеих. Вспомним, что сократовская ирония нацеливается на изменение восприятия предмета разговора как того, на кого направлена ирония, так и на самого ироника [6]. Это также отмечает М. Фуко, который подчеркивает, что задача греческих философских школ состояла в преобразовании индивида: «греческая философия стремилась сформировать у индивида качества, которые бы позволили ему жить иначе – лучше, счастливее, нежели все остальные» [7, с. 73-74].

Вместе с вышеприведенным логично обратиться к академической работе С. Кьеркегора, который рассматривал сократическую иронию и вместе с этим уточнил, что ироник становится ироником в переломные моменты, когда новая действительность сталкивается со старой, при этом он обращен в будущее. И там же, когда ироник «борется за новое, он стремится уничтожить то, что представляется ему отжившим, но его цель состоит не столько в уничтожении старого, сколько в осуществлении нового, и тем самым, косвенно, в уничтожении старого» [8, с. 179]. Получается, что кризисный момент делает человека ироником и вместе с этим поднимается вопрос о его самоидентификации.

Приведем последнюю цитату С. Кьеркегора в данном разделе, чтобы обосновать тезис статьи: «В иронии субъект негативно свободен; действительности, которая должна наполнить его содержанием, не существует, он свободен, а потому неустойчив, и положение его зыбко, так как ничто его не держит. Именно эта свобода, эти неустойчивость и зыбкость вдохновляют иронизирующего, он опьянен безграничностью выбора...» [9, с. 177]. Для нас ценен этот пассаж тем, что ироник, находясь в данной ситуации, обретает «негативную свобо-

ду», поскольку действительности, которая обладает содержанием для заполнения его существования, нет, а значит, он свободен от действительности, и при этом осознает ее, т. е. ироник имеет возможность выбора самого себя.

Материалы и методы

В отечественных и зарубежных источниках опубликованы исследовательские работы, посвященные категориям иронии и доверия. Однако связь и взаимовлияние их друг на друга остаются без должного внимания и позволяют найти продуктивные точки соприкосновения и перспективы для дальнейшей разработки. Основной методологией исследования стал сравнительно-исторический подход на материале работ С. Кьеркегора, М. Фуко, Ж. Лакана и др.

Приблизиться к пониманию иронии в контексте доверия стало возможно при использовании следующих подходов: системный подход для исследования иронии в человеческой деятельности, элементы подхода историзма, который позволил выявить характер изменений в соответствии с историческими условиями жизни общества.

Результаты и их обсуждение

Рефлексивная репродукция актов трансцендирования, замечает А. В. Пятакович [9], лежит в онтологическом поле. Самость формируется, согласно мысли П. Рикёра, в том, что индивид тождествен самому себе: два тождества, или полюса, образуют непрерывность этой самой самости. И тогда необходимо использовать герменевтический круг, который позволяет различать онтологический и онтический уровни. Движение круга подвигает нас к определенному пониманию целого через его части. Получается, что «понимать что-либо можно только тогда, когда то, что пытаешься понять, уже заранее понимаешь» [9, с. 34], а значит, повторное возвращение по кругу приводит и к более глубокому осмыслению частей.

Так, упомянутое «пред-схватывание» М. Хайдеггера показывает, что смысл кроется даже не столько в том, как правильно выйти из герменевтического круга, приняв ту или иную интерпретацию, сколько научиться правильно в него войти. Он показывает важность схватывания самого себя, поворот к собственному, поскольку это становится попыткой преодоления рефлексии как преломления самости в вещах.

Вечный возврат разрушает репрезентацию, онтологический ракурс для иронии становится универсумом возможностей, а онтический наполняет ее дискурсивно-структурированным содержанием, что позволяет обосновать организацию хаотичности в некоторые рамки категоризации и темы. Так, самость вырывает себя, свою самость, делит существование на фрагменты, «наброски». Два уровня онтологического и онтического позволяют расположить и настроить его, определить его «бытие-в-мире». Он проектирует себя в нем, постоянно ускользая, дополняя себя.

Это приводит нас к мысли о том, что ирония становится ключом к пониманию «быть найденным», процессу искания/избегания. Ирония может зафиксировать субъектность человека в осознании своего присутствия. Например, в постмодерне ирония обращается к прошлому для того, чтобы рассказать о настоящем. Ее работа не так уж явна, потому что «она ничего не отрицает, поскольку то, что должно быть утверждено, лежит за ней» [8, с. 2].

Разворачивая идею иронии, мы подбираемся ближе к тезису нашей темы, а именно месту иронии в контексте доверия, которое мы находим в понимании иронии как трансфера истины (Ж. Лакан). Ирония Сократа, как принято понимать, балансирует на грани объективного стремления менять жизнь к лучшему и зависимостью от субъекта, т. е. ирония не может возникнуть сама по себе. Р. Рорти [10] расширяет терминологию, предполагая, что если ирония является свойством

личности, т. е. является частью приватного, она все-таки преследует объективные цели, выходя в публичное поле. Здесь наблюдается динамика, выражаяющаяся, например, в сомнении [11].

Ирония балансирует между двумя сторонами субъекта: его внутренней зависимостью от другого субъекта и объективным устремлением во вне. Определенная степень лавирования позволяет «нащупывать» доверительные контакты, чтобы укрепиться на некоей «почве» и дальнейшему познанию. В. О. Пигулевский замечает, что «эстетический диапазон иронии достаточно широк, он складывается из отношения к объекту и самочувствия субъекта» [12, с. 3], т. е. познавательная ирония здесь вполне правомочна.

Ирония обладает движущейся силой преобразований, сомнением. Можно сказать, что перенос иронии из паррессии произошел благодаря Сократу, для которого знание было ценнее всего. Ирония для него – это критерий учения, косвенная форма паррессии.

В коммуникации важно доносить истинное знание, а значит, обязанность учителя указывает открыто на ошибки ученика, независимо от социального статуса последнего. В сочинении «О Паррессии» [13] Филодем Гадарский, представляя эпикурейскую школу, указывает на то, что от друзей требуется открытость, доверие вместо скрытности и недоверия. То же подчеркивает Исократ, рассматривая паррессию как важное свойство дружбы: друг указывает на ошибки, льстец – нет. Друзья в общении работают над собой, исправляют недостатки друг друга.

Аристотель пишет предположительно о Сократе: «Он необходимо должен быть открытым врагом и открытым другом, так как только боязливый скрывает свои чувства. Он более заботится об истине, чем о мнении людей, поэтому его слова и дела открыты для всех. Он откровенно высказываетя, ибо презирает людей; поэтому-то он говорит всегда правду, за исключением иронии: иронию же

он любит в обращении с толпою» [14, с. 77]. Паррессия как добродетель характера, которая связана с мужеством говорить открыто.

Паррессиаст идет на риск, и ирония его состоит в непредсказуемости последствий принятого решения, которая может стать ценой собственной жизни. В то же время логика риска предполагает такую иронию, которая может предвидеть непредсказуемое. В современном обществе У. Бек объясняет иронию следующим образом: «Она рассказывает о непроизвольном комизме и оптимистической бесмысленности, с которыми базисные институты современного общества – наука, государство, хозяйство, вооруженные силы – пытаются предвосхищать то, что не поддается предвидению». И продолжает: «Только события второй половины XX века по-настоящему приблизили нас к пониманию того, что Сократ вложил в свое загадочное высказывание “Я знаю, что ничего не знаю”. Научно-техническое общество подарило иронии фатального понимания. Мы не знаем, что мы не знаем. Как раз отсюда следуют опасности, угрожающие человечеству» [15, с. 94].

Рациональность паррессиаста и в принципе иронии подводит к пониманию, что риск возможно контролировать, и значит, знание об этом позволит скорректировать мнение или решение людей в благоприятное для них самих направление. О. М. Ломако [16, с. 267], анализируя мировое общество риска, приводит идею Н. Лумана о том, что «людей следует рассматривать как заслуживающих доверия и укреплять ожидания, препятствующие разочарованию». Поэтому паррессиаст (и в принципе любой человек со смелой и даже дерзкой речью) идет на риск с обличающей речью, чтобы попытаться предотвратить обрушение надежды и не впасть в разочарование [17].

Речь, адресованная кому-то или в присутствии кого-то, предполагает наличие онтологического аспекта. Другой (по Э. Левинасу) становится условием бытия

субъекта (того, кто говорит речь), условием, которое доводит человека до полноты субъектности, или подлинности. Субъект оказывается «открытым для Другого на принципиально нетеоретическом уровне: на уровне наслаждения или страдания» [18, с. 163]. Это важно, поскольку, становясь онтологически уязвимым, субъект пробуждает к подлинной человеческой жизни, т. е. надеяется надеждой, доверием к миру. В экзистенциальном аспекте субъект открывает Другого в конкретном опыте жизни через феномены смерти, времени и так далее, в любом ином этическом бытии, которое несет живой, персональный опыт, где происходит социальное, физическое, духовное взаимодействие и складываются определенные отношения. По сути, субъект Э. Левинаса образуется через работу самоидентификации, через достижение полноты в его этическом «отношении» с Другим. Интересно и то, что подлинное существование, по его мнению, лежит в этическом отношении субъекта с Другим.

Процедура понимания индивидами друг друга определяется коммуникативной универсальной прагматикой (Ю. Хабермас) [19], основой которой является обьюдное доверие, признание. Возьмем к вниманию, что ирония затруднительна без языка и обладает двойственностью. Посредством нее возможно, с одной стороны, возникновение интерсубъективных отношений, с другой – задается само содержание речи. Как указывает Э. З. Вердиев [20], возникновению доверия способствуют функции, например тонкость суждения, производные от него хитрость, ироничность или усидчивость.

Критическое суждение, ирония становятся стратегией сохранения автономии личности (и как следствие, повышения авторитета, являющегося свойством доверия) в условиях неопределенности, но чревато эмоциональным отчуждением, скептицизмом и цинизмом, которые исключают возможность полноценного общения, взаимного доверительного отно-

шения. Не случайно, что Р. Рорти разрабатывает концепцию иронизма, которая рассматривает понятие как форму уважения к изменчивости человеческой идентичности, и при положительном фоне отношений ирония предполагает возможность солидарности, доверия, основанные на совместном поиске смысла.

Выводы

В антропологическом поле ирония и доверие не являются противоположными полюсами, наоборот, они формируют сложную диалектику субъектного существования. Ирония предостерегает доверие от наивности и догматизма, а доверие спасает иронию от скатывания в разрушительный скептицизм. Взаимодействие составляет важный аспект экзистенциальной зрелости личности, которая способна одновременно видеть ограниченность знаний и все же надеяться на Другого.

Антропологическая значимость иронии и доверия раскрывается в их способности конституировать человека, находящегося в постоянном движении, развитии между сомнением и верой, защитой и откровением. Таким образом, преодолевается разрыв личности, который становится источником духовной глубины личности, этической ответственности и социальной зрелости.

В статье мы указывали на наличие автономии в связи с иронией, что указывает на онтологическую структуру человеческого существования. Человек есть нечто большее – он всегда незавершенный субъект, используя оммаж на М. Хайдеггера, он выходит за пределы себя, сталкиваясь с возможностями, смыслами, вызовами.

Возникающее напряжение между иронией и доверием раскрывает экзистенциальную глубину человеческой природы – постоянный поиск себя в мире, культуре, взаимодействии с другими людьми. Эта динамика также находит свое выражение в феномене паррессии –

готовности говорить правду, несмотря на риск, перед лицом власти или общественного мнения. Паррессия как этический жест проявляет себя через иронию, позволяющую сказать что-либо через особую форму, и через доверие, которое

делает возможным принятие этой правды другим. Таким образом, паррессия становится не просто риторическим или политическим актом, но формой подлинного субъективного присутствия в мире, формой ответственного бытия с Другим.

Список литературы

1. Ячин Е. С. Расколотость социального и человеческого бытия. Спектр антропологических учений / отв. ред. П. С. Гуревич. М.: ИФРАН, 2006. Вып. 1. С. 84-100.
2. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
3. Подорога В. А. Метафизика ландшафта. М.: Канон+, 2021. 552 с.
4. Филиппович Ю. С. Прогулка со смартфоном в руке // Коллекция гуманитарных исследований. 2020. № 3(24). С. 54-58.
5. Волохова Н. В. Философия противоречий в жизни и творчестве Л. Н. Толстого // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 4(30). С. 7-15.
6. Филиппович Ю. С. Достичь результата – значит потерять себя, или «усталость» в работах Бьюн-чул Хана // Актуальные проблемы современной науки: исторические, философские, методологические аспекты: сборник статей 2-й Региональной научной конференции молодых ученых, г. Курск, 6 мая 2022 года. Курск: Университетская книга, 2022. С. 88-91.
7. Фуко М. О начале герменевтики себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 65-95.
8. Киркегор С. О понятии иронии // Логос. 1993. № 4. С. 176-198.
9. Пятакович А. В. Онтологический аспект иронии // Система ценностей современного общества. 2009. № 5-1. С. 34-37.
10. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / пер. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
11. Гужа Е. А. Ирония в концепции неопрагматизма Ричарда Рорти // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 2. С. 111-120.
12. Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов н/Д: Фолинг, 2002. 418 с.
13. Philodemus. On Frank Criticism. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2007. 192 p.
14. Аристотель. Никомахова этика. М.: Директ-Медиа, 2020. 448 с.
15. Beck U. Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit (World risk society. In search of the lost security). Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. 437 p.
16. Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 3. С. 265-269.
17. Волохова Н. В., Козявкина Ю. Э. Ценность человеческой жизни и ее биоэтическое измерение (на основе анализа философского наследия Л. Н. Толстого) // Социоантропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации: сборник статей международного научного вебинара, г. Курск, 1 апреля 2015 года / ответственный редактор И. А. Асеева. Курск: Университетская книга, 2015. С. 144-150.

18. Ямпольская А. В. Эмманюэль Левинас: философия и биография. Киев: Дух і літера, 2011. 376 с
19. Волохова Н. В., Филиппович М. С. «Аутентичность дружбы» Симоны де Бовуар: феноменологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 4. С. 237-245.
20. Вердиев Э. З. Социальная природа авторитета // Современные философские исследования. 2024. № 4. С. 79-91.

References

1. Yachin E.S. The cleavage of social and human existence. Spectrum of anthropological teachings. Is. 1. Moscow: IFRAN; 2006. P. 84-100. (In Russ.)
2. Gajdenko P.P. Breakthrough to the transcendent: A new ontology of the twentieth century. Moscow: Respublika; 1997. 495 p. (In Russ.)
3. Podoroga V.A. Metaphysics of landscape. Moscow: Kanon+; 2021. 552 p. (In Russ.)
4. Filippovich Yu.S. A walk with a smartphone in hand. *Kollekciya gumanitarnyh issledovanij = Collection of Humanitarian Studies*. 2020;(3):54-58. (In Russ.)
5. Volokhova N.V. Philosophy of contradictions in the life and work of Leo Tolstoy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii = Bulletin of the Volgograd State University. Episode 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2015;(4):7-15. (In Russ.)
6. Filippovich Yu.S. To achieve a result is to lose oneself, or «fatigue» in the works of Byun-chul Khan. In: *Aktual'nye problemy sovremennoj nauki: istoricheskie, filosofskie, metodologicheskie aspekty: sbornik statej 2-oj Regional'noj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh, Kursk, 06 maya 2022 goda = Actual problems of modern science: historical, philosophical, methodological aspects: Collection of articles of the 2nd Regional Scientific Conference Young Scientists, 6 May 2022, Kursk*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2022. P. 88-91. (In Russ.)
7. Fuko M. On the beginning of the hermeneutics of oneself. *Logos = Logos*. 2008;(2):65-95. (In Russ.)
8. Kirkegor S. On the concept of irony. *Logos = Logos*. 1993;(4):176-198. (In Russ.)
9. Pyatakovich A.V. The ontological aspect of irony. *Sistema cennostej sovremenennogo obshchestva = Value System of Modern Society*. 2009;(5-1):34-37. (In Russ.)
10. Rorti R. Chance, irony and solidarity. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo; 1996. 282 p. (In Russ.)
11. Guzha E.A. Irony in Richard Rorty's concept of neopragmatism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Bulletin of the Moscow University. Episode 7: Philosophy*. 2015;(2):111-120. (In Russ.)
12. Pigulevskij V.O. Irony and fiction: from Romanticism to postmodernism. Rostov-on-Don: Folint; 2002. 418 p. (In Russ.)
13. Philodemus. On Frank Criticism. Atlanta: Society of Biblical Literature; 2007. 192 p.
14. Aristotel'. Nikomakh's ethics. Moscow: Direct-Media; 2020. 448 p. (In Russ.)
15. Beck U. Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit (World risk society. In search of the lost security). Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG; 2007. 437 p.
16. Lomako O.M. The global risk society in Ulrich Beck's political philosophy: logic and irony. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika = Proceedings of the Saratov University. A New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2018;18(3):265-269. (In Russ.)

17. Volokhova N.V., Kozyavkina Yu. E. The value of human life and its bioethical dimension (based on the analysis of the philosophical legacy of Leo Tolstoy). In: Aseeva I.A. (ed.) *Socio-antropologicheskie resursy transdisciplinarnykh issledovanij v kontekste innovacionnoj civilizacii: sbornik statej mezhdunarodnogo nauchnogo vebinara, g. Kursk, 1 aprelya 2015 goda = Socioanthropological resources of transdisciplinary research in the context of innovative civilization: Collection of articles of the international scientific webinar, 1 April 2015, Kursk*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2015. P. 144-150. (In Russ.)
18. Yampol'skaya A.V. Emmanuel Levinas: philosophy and biography. Kiev: Dukh i litera; 2011. 376 p. (In Russ.)
19. Volokhova N.V., Filippovich M.S. «Authenticity of friendship» by Simone de Beauvoir: a phenomenological analysis. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(4):237-245. (In Russ.)
20. Verdiev E.Z. The social nature of authority. *Sovremennye filosofskie issledovaniya = Modern Philosophical Studies*. 2024;(4):79-91. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Наталья Владимировна Волохова, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: volna-sha@rambler.ru,
Researcher ID: T-7441-2018,
ORCID: 0000-0002-7048-3509,
Scopus ID: 57189517020

Мария Сергеевна Филиппович, аспирант кафедры философии, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: filippovichms@kursksmu.net,
Researcher ID: G-7580-2017,
ORCID: 0000-0001-7432-3660

Natalia V. Volokhova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: volna-sha@rambler.ru,
Researcher ID: T-7441-2018,
ORCID: 0000-0002-7048-3509,
Scopus ID: 57189517020

Maria S. Filippovich, Postgraduate of the Department of Philosophy, Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: filippovichms@kursksmu.net,
Researcher ID: G-7580-2017,
ORCID: 0000-0001-7432-3660